

Глава 17. Вызов

***

Таверна «Первая под небесами»

***

Правый канцлер и Се Яньчжоу сидели друг напротив друга. В открытое окно залетал лёгкий ветерок. Оба молчали.

Это тягостное безмолвие длилось уже довольно долго.

Сегодня после утреннего приёма Жун Чэнлиня неожиданно остановил Се Яньчжоу и, ко всеобщему изумлению, пригласил его в таверну для беседы.

Однако, как только они оказались в отдельной комнате, генерал заказал стол, ломившийся от яств, и с тех пор не проронил ни слова, не сделал ни единого движения, застыв, словно каменное изваяние.

Жун Чэнлинь несколько раз пытался заговорить.

Но Се Яньчжоу лишь качал головой:

— За едой не говорят, в постели молчат.

— ...

Не только канцлер, но и личный охранник генерала был в полном недоумении. Их господин остановил Правого канцлера, с которым армия всегда была не в ладах, лишь для того, чтобы мирно посидеть в тишине.

Что за пустая трата времени?

После недолгих и бесплодных размышлений терпение Жун Чэнлиня иссякло. Он поднялся, намереваясь уйти.

Именно в этот момент на лестнице послышались торопливые, сбивающиеся шаги.

— Господин, господин, беда!

Голос опередил его появление. Управляющий поместьем, с трудом выяснив, где находится канцлер, примчался сюда сломя голову и, забыв о приличиях, докладывал прямо из-за двери:

— Молодой господин... молодой господин только что ворвался в поместье на карете, приказал связать господина Гу по рукам и ногам и увёз его!

Щёлк!

Рука Жун Чэнлиня замерла, а затем он с силой опустил серебряные палочки на стол.

— Что ты сказал?

Управляющий с несчастным видом повторил свои слова.

Словно что-то сообразив, канцлер резко посмотрел на Се Яньчжоу, но и на лице генерала промелькнуло лёгкое удивление.

***

Тем временем в карете Жун Цзюань наслаждался тишиной и покоем.

Тао Вэнь, немного подумав, всё же решился спросить:

— Генерал знает об этом?

— Он сказал, что согласен, — ответил Жун Цзюань.

— ?

«Может, и не дословно, но смысл был именно такой»

Сквозь занавеску юноша добавил:

— Ваш генерал давно хотел нанять мне учителя, и я дал своё согласие.

Иногда, когда он говорил, во взгляде Се Яньчжоу появлялось то же выражение, с каким он сам смотрел на Систему.

— Думаю, Гу Вэнь отлично справится с этой ролью.

Тао Вэнь на мгновение замолчал.

«С точки зрения заложника, вряд ли его интересовало их мнение. Ему, вероятно, хотелось бы решать самому»

Глаза Гу Вэня, обычно полные притворной доброжелательности, расширились от возмущения. Он отчаянно пытался что-то сказать, но рот его был плотно заткнут.

Жун Цзюань всю дорогу чувствовал себя совершенно правым и даже гордился тем, что нашёл подходящего образованного человека.

Он привык к лени. Жун Хэнсуй стремился к чиновничьей карьере, а пленник тайно ему покровительствовал — рано или поздно тот бы прибег к грязным приёмам. Только трудоголики будут днём и ночью остерегаться вора. Жун Цзюань же предпочёл просто похитить проблему, и дело с концом.

Когда они прибыли, Гу Вэня вынесли из кареты, как неодушевлённый предмет — двое слуг держали его за голову и за ноги — и занесли в резиденцию генерала. Впереди, в яркой одежде, с сияющим видом шёл Жун Цзюань.

Слуги в поместье ошеломлённо застыли.

— Будьте добры, приберите комнату, — с улыбкой обратился к ним юноша. — И приготовьте что-нибудь вкусное поесть и выпить.

Комната предназначалась для пленника, а еда и напитки — для него самого.

Судя по его виду, он словно праздновал Новый год.

А вот Гу Вэнь в этот момент напоминал новогоднего поросёнка, готового к закланию. Такого унижения он ещё никогда не испытывал.

Он извивался, и кляп наконец выпал изо рта.

— Будучи чиновником Министерства ритуалов, вы сознательно нарушаете закон! — низким голосом произнёс заложник.

Прибегнув к закону и этикету, он сменил тон на более мягкий, увещевающий:

— Если вы сейчас же отпустите меня, дело ещё можно уладить миром.

При этом он намеренно обвёл взглядом слуг.

«Проделки Жун Хэнсуна — это одно, но ради репутации генеральской резиденции любой умный человек должен был бы его остановить»

К сожалению, его ждало разочарование.

Управляющий и слуги, словно не замечая этого фарса, продолжали заниматься своими делами.

Братья Тао помогали, а значит, генерал, скорее всего, был в курсе. А даже если и нет, то с его заслугами и положением вряд ли его можно было бы привлечь к ответственности.

К тому же, на этот раз молодой господин никого не убил. Просто похищение... почему-то казалось им вполне приемлемым.

Дворецкий, оставив заказанную еду, направился в другую часть резиденции.

С тех пор как Жун Цзюань однажды специально отстоял очередь за пирожными в кондитерской «Сяньвэй», в резиденции генерала их стали готовить время от времени.

Запивая чаем, он наслаждался пирожными с красной фасолью — сладкими, но не приторными, тающими во рту.

Видя, как он невозмутимо лакомится сладостями, Гу Вэнь, преодолев первоначальное унижение, сумел взять себя в руки.

Жун Цзюань кивнул братьям Тао, и ноги заложника наконец коснулись земли.

От неудобной позы щёки Гу Вэня налились кровью, что, как ни странно, оживило его обычно лицемерную маску.

— Когда канцлер потребует выдать меня, дело примет необратимый оборот.

В Великой Лян строго соблюдались «три устоя и пять постоянств». Даже если отец и сын Жуны сейчас были в ссоре, в глубине души Жун Хэнсун должен был уважать сыновний долг.

— Ох, — Жун Цзюань не выказал ни малейшего беспокойства и, доев пирожное, почувствовал, что хочет ещё.

После такой «тяжёлой работы» нужно было хорошо подкрепиться.

Он вспомнил, как младшая ученица Сюэ Жэня упоминала, что в храме Холодного Колокола подают божественную вегетарианскую лапшу, и тут же загорелся этой идеей.

Перекинувшись парой слов с помощниками, Жун Цзюань вытер кончики пальцев от крошек и вышел.

Сколько ни говори, против кулаков не попрёшь.

Гу Вэнь попытался воззвать к разуму братьев Тао.

Но сколько бы он ни говорил, Тао Вэнь лишь слово в слово повторял то, что сказал господин Жун:

— Господин велел передать: раз у distinguished Правого канцлера похитили человека, он, разумеется, должен обратиться в суд. Не станет же он, словно отец-скандалист, врывать сюда с криками и пытаться отбить его силой. Что за манеры?

Эти слова донеслись до Жун Чэнлиня, который с мрачным лицом как раз подходил к воротам резиденции.

Слова «отец-скандалист» заставили его и без того недовольное лицо потемнеть ещё больше.

Се Яньчжоу, невозмутимо шедший позади, услышав это, лишь слегка приподнял бровь.

Жун Чэнлинь остановился и, обернувшись, многозначительно произнёс:

— Полагаю, генерал не желает прослыть укрывателем преступников?

Он явно требовал выдать ему человека. Но Се Яньчжоу, обычно прямолинейный, вдруг начал увиливать:

— Подробности дела пока неизвестны. Лучше обратиться к властям.

В любом случае, выдаст он человека или нет, канцлер этого так не оставит. Рано или поздно дело дойдёт до Его Величества.

Генералу не было никакого дела до его угроз. Он подозвал управляющего.

— Жарко. Подайте экипаж, чтобы отвезти господина Жуну в управу.

Управляющий, согнувшись в поклоне, вскоре прикатил небольшую тележку.

Это была та самая тележка разносчика, на которой Жун Цзюаня везли в Управление по надзору после убийства посланника. Позже юноша выкупил её и в свободное время украшал свежими цветами.

— В народе эту тележку теперь называют «тележкой храбреца», — пояснил управляющий. — Господин канцлер, прошу.

— ...

***

Храм Холодного Колокола считался самым красивым и чудодейственным.

Карета неспешно катилась по горной дороге. Жун Цзюань, предвкушая угощение, сиял от радости.

И вегетарианская лапша в храме его не разочаровала. Дикая горная грибочка и свежая зелень, ароматная, мягкая и нежная лапша... Каждый глоток бульона с лапшой оставлял во рту восхитительное послевкусие.

Когда Жун Цзюань, с ароматным веером в руке, неторопливо возвращался в резиденцию, он всё ещё с сожалением думал:

— Как вкусно! Жаль, нельзя взять с собой.

Весёлой походкой он вошёл во двор и увидел Се Яньчжоу, сидевшего на каменной скамье.

— Всё ещё думаешь о еде. Похоже, у тебя хорошее настроение.

Во взгляде генерала нельзя было прочесть никаких эмоций. Чай рядом с ним давно остыл.

— Твой дорогой отец, уходя, был зелёный от злости.

Гу Вэнь, которого уже полчаса держали под стражей, услышав, что даже такой невозмутимый человек, как его наставник, изменился в лице от гнева, почему-то почувствовал странное удовлетворение.

Раз уж сам канцлер не сдержался, значит, его собственная реакция была не такой уж и постыдной.

Кроме братьев Тао, рядом стояло ещё несколько личных охранников. Они пришли к Се Яньчжоу, чтобы уточнить детали экзаменов в конце месяца, и теперь проклинали себя за то, что выбрали такой неподходящий момент.

По их опыту, генерал сейчас был не в лучшем расположении духа.

Но Жун Цзюань шёл напролом.

Его приближённые восхитились такой смелости. Он как ни в чём не бывало подошёл к Се Яньчжоу.

Прогулка по храму утомила юношу. Ноги гудели, и ему не терпелось вернуться к себе и отдохнуть.

Без всяких предисловий он достал подарок.

— Вот, держи. Свеженькое, только что из храма.

Талисман удачи в ярко-красном шёлковом мешочке поблёскивал в лучах заходящего солнца.

Жун Цзюань получил его в храме. Се Яньчжоу хорошо к нему относился, да и братьев Тао приставил для помощи, без них многое бы не удалось.

Видя, что генерал неотрывно смотрит на талисман, но не берёт и не отказывается, юноша подумал, что с амулетом что-то не так.

Качество работы в храме было средним. Он заметил, что на мешочке, кажется, выбилась нитка.

Но как только Жун Цзюань собрался убрать подарок, чтобы рассмотреть его поближе, тонкий шнурок, на котором он висел, вдруг зацепился.

Не успел он ничего понять, как Се Яньчжоу лёгким движением пальцев подцепил амулет, и тот плавно опустился ему в ладонь.

Он никак не прокомментировал подношение.

Сжав руку, Се Яньчжоу вдруг невпопад спросил:

— Что ты сегодня ел?

— Вегетарианскую лапшу из храма Холодного Колокола, — с восторгом поделился Жун Цзюань. — Бульон просто божественный, там было как минимум три вида грибов...

Вспомнив о лучшем блюде дня, он принялся живописно его описывать. Даже у охранников слюнки потекли.

Атмосфера незаметно разрядилась.

Юноша продолжал увлечённо рассказывать.

Слушая его болтовню о еде, Се Яньчжоу смотрел то на него, то на талисман в своей руке.

С самого детства он получил лишь один талисман удачи. Когда-то давно мать, молясь за отца, заодно попросила и за него. Позже отец погиб на войне, мать угасла от болезни, и когда он впервые надел доспехи, просить за него удачи было уже некому.

На фоне этой гармонии лишь Гу Вэнь искоса поглядывал на них, о чём-то размышляя.

Жун Цзюань всегда был чувствителен к чужим взглядам.

Он замолчал и бросил на заложника косой взгляд.

Говорят, у больных людей мутный взор, но глаза Жун Цзюаня были поразительно ясными. Стоило ему прищурить свои манящие глаза-персики, как сердце любого готово было растаять.

— Господин Гу — человек умный. Он должен понимать, как следует вести себя пленнику. Не бегать, не замышлять глупостей, иначе...

Гу Вэнь слабо улыбнулся и подыграл:

— Иначе что?

Внезапно у его горла что-то холодно блеснуло.

Жун Цзюань молниеносно выхватил меч из ножен Тао Юна и приставил острё к его уязвимой шее.

— У меня ещё есть одна золотая медаль, дарующая освобождение от смерти. Попробуешь сбежать — зарублю.

— ...

«С кем поведёшься, от того и наберёшься». Похоже, жизнь в резиденции генерала привила ему замашки воина.

Охранники, всё это время стоявшие поодаль, вытаращили глаза. Даже на передовой они не видели такой дерзости — чуть что, сразу за меч.

Возможно, из-за недавнего случая с посланником Ужуна никто из присутствующих даже не усомнился, что он действительно способен на убийство.

На самом деле, с профессиональной точки зрения, движение, с которым юноша выхватил меч, не было отточенным, да и рука, державшая оружие, слегка дрожала. Но Се Яньчжоу почему-то находил эту картину весьма приятной.

Даже угрожал он на удивление изящно.

Гу Вэнь благоразумно кивнул, и Жун Цзюань наконец убрал меч.

В тишине, нарушаемой лишь звоном вкладываемого в ножны клинка, прибежал слуга.

— Из дворца прибыли!

Он с тревогой посмотрел на молодого господина:

— Говорят, вас вызывают во дворец. Евнух с указом ждёт снаружи.

<http://bllate.org/book/15979/1501052>